

После войны

Ты, верно, в сорочке родился,
Что всё ещё жив до сих пор...

К. Симонов

Как я пошла в первый класс

Моя старшая сестра закончила первый класс. Летом ученики копали торф для школы, чтобы в холода топить печку. Угля не было, так как все шахты были разрушены.

В школу брали с восьми лет, а мне ещё не было восьми, поэтому меня не записали в школу. Но так как сестра уже закончила первый класс, то, когда она училась, она мне всё рассказывала, и я уже научилась считать и читать. Чтобы меня записали в первый класс, я стала помогать копать торф для школы. Торф — это большие куски земли примерно 20х20х20, а то и больше, мокрые, тяжёлые. Старшие ученики копают в яме торф, подают наверх, а мы, мелюзга, эти кубики оттаскиваем. Очень тяжёлый труд.

Надо мной подсмеивались, подшучивали старшие дети: бери большие куски, а то не запишут в школу. И я пыхчу, с трудом тащу этот торф, стараюсь изо всех сил, только чтобы записали, приняли в школу.

И вот наступило первое сентября, мы пошли в школу. Меня сначала не приняли, но придти в школу разрешили. А к концу четверти оказалось, что я читаю лучше всех и считаю хорошо, и тогда меня записали. Я стала школьницей и очень этим гордилась. В школу ходили за три километра. Так как мы жили в шалаше, то уроки приходилось делать на пеньке, на улице. В шалаше темно. А пенёк, где спил, негладкий, шершавый, писать очень трудно, и буквы получались неровные. Да и сидеть на корточках, согнувшись около пенька, тоже неудобно. Но делать нечего. Я писала и плакала. Старалась, чтобы было хорошо.

А ещё беда — осенью дожди часто. У нас чернозёмы, после дождей много червяков дождевых. Я их очень боялась. Обувя не было. Ходили в школу босиком. Бегу, перепрыгиваю лужи, боюсь наступить на червяка, плачу. Ужас. А ещё холодно. Ноги мёрзнут. Пока пробежишь три километра босиком, ноги отмёрзли, красные, как у гуся. Прибежишь в школу, там печка натоплена, тепло. Сядешь, ноги начинают отходить, покалывают. И когда отогреются, так хорошо становится.

В октябре мама осилила, купила мне галоши. Галоши — чёрные, блестящие, внутри мягкие, красная фланелька. Тепло, сухо. Когда я пришла первый раз в этих галошах в школу, все сбежались смотреть на эту красоту. До сих пор помню эти галоши.

У всех у нас после войны не было ни обуви, ни одежды. Ходили оборванными, в заплатках. А одежду — пальто — нам шили из шинелей. Из шинелей русских или немецких солдат, это не важно. Тому, что нашли в окопах, были рады. Ведь это ткань, материал. И наши матери вырезали, шили руками нам пальтишки из этих шинелей. Мы их называли шинелишки. Я свою шинелишку носила до четвёртого класса. Потом я выросла, и её стала носить моя младшая сестра.

Школа наша была в частном доме. За перегородкой жила женщина, а в комнате класс. Вместо парт были длинные лавки. Высокая лавка — это стол, низкая лавка — сидеть. На лавку вмещалось шесть или семь человек.

Один учитель учил сразу два класса: первый и третий или второй и четвёртый. На двух лавках сидел первый класс, на следующих двух — третий класс.

Первым учителем у меня был Павел Ильич Михалёв. Он привил нам любовь к знаниям, стремление учиться, познавать новое.

Когда копали торф для школы, Павел Ильич говорил девочкам, чтобы брали и таскали куски торфа поменьше, не надрывались. Берёг нас.

В начальной школе были уроки пения. Музыкального инструмента никакого не было. Пел Павел Ильич, а мы ему подпевали. Пели всегда военные песни: «По долинам и по взгорьям», «Раскинулось море широко», «Варяг» и другие.

Павел Ильич говорил нам: «Учитесь лучше, старайтесь. Тогда наступит хорошая жизнь, вы будете нарядные ходить, конфеты будут у вас всегда». И мы старались. Мы так этого хотели. Всю жизнь вспоминаю его с большим уважением и любовью.

Вот фотография моего класса.



Фотографировались около стога сена, который стоял недалеко от школы. В середине — Павел Ильич. В нижнем ряду четвёртая слева — я. Здесь первый и третий классы. Я — в третьем классе. Господи, какие мы оборванные, в заплатках, без пуговиц!

Четыре класса я кончала в Пикалово, за три километра от своего посёлка, а семь классов — за шесть километров, в селе Себякино. С восьмого класса я училась в посёлке Белые Берега города Брянска. Там закончила десять классов на пятёрки, с одной четвёркой. Мы тогда любили учиться. Стремление к знаниям осталось на всю жизнь. Мы были патриоты, романтики.

Окончив школу, я по комсомольской путёвке поехала в Сибирь на строительство Иркутского алюминиевого завода. Проработала почти два года. Хотелось учиться. Поступила в Иркутский государственный университет.

В 1963 году окончила университет, получила специальность — физик. Приехала в город Красноярск. Работала инженером-конструктором на заводе по производству ракетно-космической техники. Сейчас на пенсии. Дом, семья, летом — дача. Пишу стихи. Выпустила пять сборников стихов. Печатаюсь во многих коллективных журналах и альманахах.

Кусочек сыра

Шёл 1948 год. Война кончилась, но жизнь была очень тяжёлая.

Когда немцы отступали, они сожгли наш посёлок. Мы жили в шалаше: мама, бабушка и мы — трое детей. Я — средняя девочка. 1948 год был для нас очень тяжёлым: разруха послевоенная, ещё неурожайный год.

Люди голодали, опухали. Я помню женщин из нашего посёлка с огромными, опухшими от голода ногами. А сколько детей умерло от голода! Господи, сколько же вынесли наши женщины, наши матери! Сами голодали, но работали в колхозе, а иначе как смотреть в голодные глаза детей?

Они, конечно, в раю за их великий труд и великое терпение.

Мы, дети, целыми днями бродили по лугам, рвали щавель, чтобы сварить какой-то суп. Ели всякие травки, коreshки, чтобы как-то унять голод.

Мальчишки лазили на высокие деревья, залезали в грачьи гнёзда и ели их яйца. Также они ходили по полям, находили сусличьи норы, таскали воду из пруда и заливали воду в норку и караулили, когда выскочит суслик, ловили его, убивали. Потом жарили на костре и ели.

А мы делали так. У нас была кошка. Кругом поля. Растёт рожь и пшеница. Там водились перепёлки и другие птицы. Кошка ходила в поле на охоту. И когда кошка приходила с охоты, в зубах у неё была перепёлка или какая-то другая птичка. Мы гонялись за кошкой, отнимали у неё птичку и варили суп с этой птичкой. Очень вкусно было.

Так вот, в это голодное время стали умирать дети от голода. Сверху, то есть администрацией района, было решено

оказать помощь детям, сделать летний дневной пионерский лагерь. Дети приходили утром в школу. Их там немножко подкармливали. Так как в нашей семье трое детей, одна ещё не ходит в школу, я — во втором классе, старшая — в четвёртом, в пионерский лагерь взяли только одну меня.

Утром мы приходили в школу, нам давали какую-нибудь кашу. Покушав, мы шли с учительницей гулять, играть на лугу, читать книжки. На обед нам давали несколько печенек и кусочек сыра. Господи, какой же вкусный был этот кусочек сыра! Я его раньше никогда не видела и не ела.

Учительница зорко следила, чтобы мы сами съели этот кусочек сыра. А я ела и думала: у меня дома младшая сестрёнка и старшая. Они не знают, какое это счастье — кусочек сыра. А как бы сделать, чтоб принести им чуточку сыра? Карманы учительница проверяла, чтоб ничего не несли домой, а ели сами.

И я придумала: пришила маленький карманчик на изнаночной стороне платья и на боку. Стала туда прятать немного еды, которую мне давали, и приносила это небольшое своим сестрёнкам. Это были то печеньки, то крохотный кусочек сыра, то сушёная сливка. Это был царский подарок для сестёр, такая радость.

После обеда сестрёнки уже сидели на дороге, ждали меня с гостинцем. Так мы выживали после войны.

Молочные зубы

С пяти-шести лет у детей выпадают молочные зубы. Я очень этого боялась. Когда зуб начинал качаться, я никому об этом не говорила, но он мешал, есть трудно.

Мне кто-то сказал, что надо к зубу привязать нитку, а другой конец нитки привязать к ручке входной двери и ждать. Когда кто-нибудь придёт, откроет дверь, нитка натянется и вырвет зуб.

Я часами стояла привязанная к двери, ждала, когда кто-нибудь придёт и вырвет мой зуб. В первом классе начали качаться передние молочные зубы. Я никому об этом не сказала.

Прошло лето. Стала уже учиться во втором классе. А зубы передние верхние не выпали, а наоборот,

укрепились почему-то. А настоящие, твёрдые зубы стали расти сверху над молочными. И у меня получилось два ряда зубов сверху, губа верхняя уже плохо закрывала рот.

Летом и осенью работы много, мама не заметила этого. А когда наступила зима, работы стало меньше. Мама тут же обратила на меня внимание. Стала ругать: «Как же тебе не стыдно? Девочка, а зубы — как у поросёнка, в два ряда, смотреть страшно».

Мама решила повести меня в больницу — надо спасать девку. В школу мы ходили за три километра, а больница находилась в шести километрах, в деревне Салтыки.

Зима, снег кругом. Идём с мамой. Пришли в больницу, заходим к зубному врачу, там чисто, всё блестит. Врач, дяденька, начал меня стыдить: «Девочка, а зубы как у поросёнка, в два ряда». Мне страшно, стыдно, чуть жива.

Врач вырвал сразу два зуба. Подумал немного и говорит: «Вырву ещё два зуба. А то сама струсишь и не вырвешь — и будешь опять на поросёнка похожа». И вырвал ещё два зуба.

У молочных зубов нет корней, они выпадают как семечки. Врач ещё пригрозил мне: если не буду следить за зубами, он вырвет все зубы. Мне было очень больно и очень страшно.

Мама поблагодарила врача, и мы пошли домой. Это далеко. От страха, от пережитого я еле иду. Идём по полю, дороги нет.

Кругом белым-бело, много снега. Ноги не идут. Мама идёт, тянет меня за руку. У меня нет сил, снег слепит глаза, глаза закрываются, еле ноги переставляю. Легла бы в снег и заснула. Тишина. Белое безмолвие. К вечеру еле доплелись до дома.

Государственный заём

Война закончилась. Тяжёлые послевоенные 1947 и 1948 годы. Неурожай, послевоенная разруха. Правительство решило выпустить государственный заём. Заём — это налог в пользу государства. Рабочие и крестьяне должны были добровольно подписываться на этот заём и выплачивать деньги. Это только на бумаге добровольно. Людей заставляли насильно подписываться на этот заём.

Рабочие на заводах получают зарплату. Хотя им тяжело, но они получают деньги и могут частями оплатить заём.

А в деревне крестьяне работают каждый день, но им начисляют трудодни, отмечают в ведомостях, ставят палочки.

А денег им не дают, и взять их негде.

Когда в 1943 году мы вернулись из плена, наш посёлок был сожжён. Два года мы жили в соседней деревне, в доме родственников. Они были угнаны в Германию, но дома уцелели, не были сожжены немцами, потому что стояли в стороне от большой дороги.

Когда летом 1945 года родственники вернулись домой из Германии, мы пошли в свой посёлок, построили около сожжённого дома из ракит шалаш и стали жить. Два года мы жили в шалаше. Потом с трудом мама купила сарай в соседней деревне, которая не была сожжена немцами. Из этого сарая построили дом, вернее, одну комнату с русской печкой. Сени построили из ракит, обмазали глиной.

В комнате были русская печка, стол, три лавки, за ситцевой занавеской кровать и пчелиный улей, к нему построили палки и доски — получилась лежанка. На ней спала бабушка. А мы, дети, спали на печке.

У нас ещё за занавеской стояла единственная ценная вещь — это швейная машинка. Но она тоже пострадала от войны. Когда перед отступлением нас немцы выгоняли из домов, мама обмотала машинку одеялом и бросила в погреб. Немцы всех жителей посёлка погнали в плен, а дома сожгли.

Нас никого не было, а дома горели. И бедная машинка тоже обгорела. Крышка сторела, и два бока станины тоже обгорели и были чёрные. А другие два бока, на которых машинка лежала, остались целыми, не обгоревшими. То есть машинка, как и люди, была тяжело ранена войной.

После войны она нас спасала. Мать шила на ней нам одежду. Из шинелей, которые находили в окопах, мать шила нам пальтишки. Ведь всё сожжено, вещей нет никаких.

Нас было три девочки, нам нужны платишки. Денег на нормальную ткань из магазина нет. В августе и в сентябре несли в город за двадцать пять километров яблоки, продавали их и на эти деньги покупали ситец.

Около швейной фабрики стоял ларёк, и в нём продавали мерный лоскут, то есть куски ситца по одному метру и меньше, бывали иногда и больше метра. В этом ларёке ситец был гораздо дешевле. И здесь мы покупали эти лоскуты, и мать шила нам платишки.

Однажды, перед Троицей, мама купила несколько лоскутов сатина, все в мелких цветочках. Такой красивый, такой нарядный был этот сатин. Мама сшила всем нам, трём девочкам, платишки. Мы надели их, нарядились и пошли к подругам. Через дом от нас жила бабушка Груша. Увидела нас, а мы шли все трое вместе, и сказала: «Какие нарядные девки, какие красивые!» Нам было одиннадцать, восемь и пять лет, я — средняя. Мне так радостно, так хорошо на душе стало. И я запомнила этот комплимент на всю жизнь. До этого мы ходили оборванные, в заплатках, как и все ребятишки в то время.

Так вот, время подходит, надо выплачивать этот заём. А денег нет. Уполномоченные из района, два крепких мужика, ходят по домам и требуют платить заём. Пришли к нам. Говорят маме: «Плати». А она: «Нет денег, вот осенью продам яблоки, тогда отдам». А они своё: «Плати».

Стали ходить по хате, чтобы что-то найти ценное. Но ничего ценного у нас не было. Зашли за занавеску и там увидели обгоревшую швейную машинку. Схватили её, говорят: «Забираем».

Мама как закричит: «Не отдам, мне детей одеть нечем, мне их поднимать надо». Схватила машинку, тянет к себе, плачет, кричит. Мы трое тоже ухватились за маму, стали плакать, кричать: отдайте, не забирайте машинку.

У мужиков дрогнуло сердце, они отпустили машинку. Закричали на маму и ушли. Так мы отвоевали нашу машинку. Она много лет, даже десятилетий, служила нам верой и правдой, хотя была опалена войной в прямом смысле.

Колоски

Мы жили в Орловской области, где прошла война.

Война окончилась. Шёл 1948 год, очень тяжёлый. Послевоенная разруха, да ещё неурожайный год. Люди голодали, опухали от голода.

Дети бродили по лугам, по полям, искали разные травки, корешки, что можно съесть. Если сорвать головку клевера, каждый цветок из головки вырывать и сосать, то это будет очень сладко. Ещё жёлтые цветочки — баранчики — тоже сладкие. На полях рвали дикий лук.

Рвали также щавель в лугах. Из него варили щи. Мы, девочки, надевали через плечо холщовую сумку на лямке, собирались вместе и бродили по лугам целыми днями, рвали щавель. А его было мало, так как дети из всех деревень также собирали щавель.

А бывало и так, что большие мальчишки нападали на нас, маленьких, и отнимали щавель. Ещё и подзатыльников надают. Мы плачем, бредём домой, ведь сумки пустые, сварить щи не из чего. Очень обидно.

Ещё мальчишки лазили на высокие деревья, где были грачиные гнёзда, вытаскивали яйца и съедали их. Голод — не тётка.

Наш дом был крайний в посёлке. Поэтому он вдоль улицы и сбоку был весь в окопах.

Вдоль улицы напротив дома — два квадратных окопа. В них, скорее всего, был медпункт. Так как, когда мы вернулись из плена, в этих окопах были ящики с тубиками, баночки с разными мазями, бинты. Был ещё маленький деревянный сундучок с таблетками.

Этот сундучок послужил нам (трём девочкам-сестричкам) очень долго, несколько десятилетий. Внутри мы его обклеили разными картинками, которые только смогли найти.

Хранили в нём мы самое ценное. Была тоненькая книжка «Сказки» и очень ценная цветная картинка «Пушкин в детстве»: кудрявый мальчик сидит. А ещё была у нас одна игрушка — маленькая, с палец, белая фарфоровая собачка с отбитой лапкой. Мы нашли её на пепелище нашего дома. Это была великая ценность. Одна игрушка на троих. Мы так берегли это наше добро.

В августе, когда начинают поспевать яблоки, мальчишки-хулиганы из соседней деревни начинают их воровать. А я охраняю сад. Сбоку наш сад весь в окопах, так как он

выходит на большак. Три окопа для танков: два окопа прямых и один зигзагообразный.

Я обычно играла в среднем танковом окопе, но игрушек не было. Поэтому брала палочку, кусочек лопуха обматывала вокруг палочки, травинкой завязывала, и получалась куколка. Палочки втыкала в землю — получался дом. Из лопухов делала постель для куколки и другие игрушки. Так я играла и в то же время караулила сад от воришек.

Если увижу хулиганов, то скорее бегу в середину сада. Воришек много, а я одна. Мне страшно, я ведь только окончила первый класс. Залезу на яблоню и начинаю кричать: «Вижу, вижу, вон ползёте. Мама, мама! Бабушка, бабушка!»

Мама на работе, выйдет бабушка. И хулиганы убегут. Ведь хулиганы — это такие же детишки, как и я.

Однажды сижу в окопе, играю. *Господи, всё моё гетство прошло в окопах!* За нашим садом сразу начинались поля. Был конец августа, поле с пшеницей уже скосили. Женщины шли с работы, зашли на это уже скошенное поле и стали собирать колоски. В то время это было запрещено, даже в тюрьму сажали. А ведь у этих женщин дома голодные дети. Да и сами они еле ноги таскают от голода.

Только начали собирать колоски, вдруг едет объездчик на коне и с кнутом. Женщины побежали, надо скорей спрятаться. Рядом наш сад. У нас в саду между яблонь посажен картофель. И вот женщины стали прятаться, ложиться в межи между картофельных грядок. Объездчик прискакал, ему сверху видно женщин, и он начал орать и хлестать их кнутом. Это ведь так больно. Женщины плачут, кричат.

Я встала в окопе, стою ни жива ни мертва. А он хлещет женщин. А одна женщина плачет, кричит: «Не бей, не бей, у меня брат в милиции работает, скажу ему, как ты зверствовал, и тебе будет больно. Побойся Бога».

Потом объездчик уехал. А я стала рыдать, как эти женщины. Никогда не забуду это.

Господи, сколько же вынесли наши женщины, наши матери! И это — чтобы спасти нас, своих детей.

Мы, школьники, ходили по полям и собирали колоски. Надевали через плечо сумку холщовую и вместе с учительницей ходили по полям, собирали колоски и сдавали их

учётчику на колхозном току. Даже зёрнышко не могло пропасть в это тяжёлое, голодное время.

Сапоги и иголка

Да, война — тяжёлое, тяжелейшее время для женщин. Они трудились, выбивались из последних сил, чтобы спасти своих детей.

Август. Началась уборка хлеба — ржи и пшеницы. Комбайнов ещё не было. Женщины косили серпом, вязали снопы и ставили в копны.

Копны свозили на ток, там молотили. Потом веяли на веялке. Электричества не было.

Одна женщина насыпает зерно в ведро, поднимает на руках вверх и медленно сыпет в веялку. Другая женщина крутит ручку веялки. Третья — отгребает чистое зерно. Очень тяжёлый труд.

Время голодное. Женщины сами еле ноги таскают, а дома дети голодные. Из обуви у женщин только галоши или резиновые сапоги. Другой обуви нет. И женщины в конце работы горсточку или две зерна незаметно сыпали в сапоги. Потом в этих тяжёлых сапогах шли домой за три километра. Еле тащились, мучились, чтобы спасти своих детей от голода. Потом эту горсточку-другую зерна мыли, распаривали и варили суп. Так мы выживали.

Когда мы вернулись из плена и стали жить на пепелище, то любая мелочь была очень ценной. Любой иголке были рады.

Мою бабушку звали Марина. Из-за её доброты, готовности всем помочь её звали Маришей: бабушка Мариша.

Бабушка нашла на пепелище большую иголку, сантиметров восемь длиной. Это большая ценность. Иголку очень берегли. Это была одна иголка на весь посёлок, на пятнадцать домов. Ведь одежду все шили руками из шинелей погибших солдат, которые находили в окопах. Другой материи нет, и денег нет. Все жители посёлка приходили к нам и брали у бабушки иглу.

В то тяжёлое время все люди помогали друг другу. В 2015 году я ездила на родину, в Орёл. Сидели,

разговаривали с Тоней. Она тоже раньше жила в нашем посёлке. Она до сих пор вспоминает эту иголку и бабушку Маришу. Хорошее — не забывается.

Про хлеб и кошку

Летом 1945 года вернулись наши родственники из плена, из Германии. Мы два года жили в их доме в деревне Пикалово. Пикалово расположено в стороне от большака, поэтому оно уцелело, не было сожжено немцами.

Нас было шесть человек: мать, бабушка, тётя и мы — трое детей. Когда вернулись родственники, их было пять человек, мы вынуждены были уйти, так как дом очень маленький, одна комната и кухня.

Мы вернулись на наше пепелище, построили шалаш и жили до глубокой осени. В конце ноября пошёл снег, начались морозы, и мать упростила бабушку Маланью в деревне Пикалово пустить нас на квартиру на зиму.

У неё был большой дом, жила она вдвоём с дочерью. Дед умер до войны. Два сына погибли на войне.

Кто испытал горе, тот поймёт других. И бабушка Маланья пустила нас на квартиру.

Мы все спали на полу. На пол накладывали солому, потом одеяло — и готово, можно ложиться. Спали одетыми. Когда кто-то выходит из дома, то в дверь сразу тянет холодом с улицы, поэтому мы мёрзли на полу. Но всё равно мы в доме, а не в шалаше. Спасибо бабушке Маланье. В то тяжёлое время люди помогали друг другу.

Хлеб мы пекли сами. Так как муки было мало, то в хлеб добавляли картошку. Картошку мыли, потом тёрли на тёрке. А тереть надо много картошки, ведро или два ведра. Трёх на железной тёрке. Часто раним руки. Все руки были изрезаны тёркой.

Чтобы испечь хлеб, надо было хорошенько натопить русскую печь. А топили печь торфом. И, чтобы сильно натопить, надо много сжечь топлива. Поэтому пекли хлеб редко. Когда обедали, то хлеб всё равно экономили.

Я помню, когда мы только переехали к бабушке Маланье, сели обедать. Нам, детям, отрезали по куску хлеба,

чтобы есть с супом. Так как из еды ничего больше не было, а есть хотелось, мы очень быстро съели этот кусок хлеба. И бабушка Маланья сказала: «Какие дети прожорливые, на них не напасёшься.» И мне так стыдно стало, я медленнее стала есть суп. Но тот стыд из-за этого проклятого голода я запомнила на всю жизнь.

Я уже училась в первом классе, и я стала думать, что бы такое сделать, чтобы хлеб так быстро не съедался. Я разре-зала хлеб пополам, потом приложила эти половинки друг к другу. Они прилегли, но всё равно линия среза видна. Я подумала: срез — это хлеб куда-то девается, пропадает. Значит, хлеб не надо резать. Буду ломать на куски. И стала я есть хлеб, ломая его на мелкие кусочки. Так голод заставил ребёнка думать, анализировать.

У бабушки Маланьи мы прожили пять месяцев. Потом вернулись в свой шалаш в своём посёлке.

Когда немцы захватили наш посёлок, первым делом они перестреляли всех собак, чтобы не лаяли, не кидались на них. А кошки остались. Кошка жила с нами в шалаше. А когда немцы погнали нас в плен, кошки разбежались.

Когда мы вернулись из плена, наши дома были сожжены. Два года мы жили в доме родственников в соседней деревне, которую немцы не сожгли. Потом мы лето прожили в шалаше, а зиму — у Маланьи.

Второе лето живём в шалаше. И вот к нам, к шалашу, стала приходиться кошка. Сядет невдалеке и смотрит на нас. Прошло уже три года, как нас немцы угнали и сгорел наш дом. А кошки где-то жили. Но с родных мест не уходили. Может, жили в завалившихся погребях или на пепелищах под грудой железа. Жили на своей родине, ждали своих хозяев — своих родных.

Мы стали звать кошку, давать кусочки хлеба. Кошка долго не подходила к нам, но потом всё-таки подошла, стала тереться об ноги и долго-долго мурлыкала, мурлыкала. Видимо, рассказывала, как она прожила эти три года. Мы гладили её. А мама и бабушка плакали и говорили: «Это — наша кошка, это — наша кошка. Дождалась нас. Выжила».

Так кошка стала жить с нами. Потом она принесла трёх котят. Мы очень обрадовались. Жизнь продолжалась.

Зайка-воришка

В школу с пятого класса я ходила в деревню Себякино, за шесть километров. В одном классе со мной учился Ваня Провалёнов. Все его звали Ваня Харпей. В детстве слово «копейка» он не выговаривал, а говорил «харпейка». Так его и стали звать Харпеем. И это прозвище прилипло к нему на всю жизнь.

Утром рано он заходил за мной, и мы вместе шли в школу. Потом отец купил ему велосипед, и он уже ездил в школу на велосипеде. А я ходила одна. Иду, сама оглядываюсь по сторонам: не бежит ли собака или волк. Страшно. Кругом поля, далеко видно.

Зимой ходили в школу вместе. Затем отец купил Ване лыжи, и он стал ходить в школу на лыжах. На лыжах, конечно, быстрее доберёшься до школы. Я опять стала одна ходить. Зима, снег кругом, белым-бело. В школу — шесть километров, и обратно эти же километры. Глаза слепит, спать хочется, есть хочется.

В школу мы брали с собой пару яблок или кусок хлеба, чтобы перекусить на большой перемене. И я придумала. Дорога в школу — поля кругом, кое-где кустики мелкие. Когда иду в школу, то хлеб заверну в газетку и спрячу под кустик. А когда возвращаюсь из школы, заберу хлеб и ем его. Хлеб подмёрз, хрустит, так вкусно пахнет. Иду, ем хлеб, сил прибавляется, и дорога кажется легче.

Но так продолжалось недолго. Однажды подхожу к кусту, а хлеба — нет. Что такое? Кто взял? На второй день опять хлеб кто-то украл. И следов не видно. И только на третий день я увидела следы зайца. Так вот кто вооришка! Вот кто воровал мой хлеб. Мне стало и смешно, и обидно.

Зайчик учуял запах хлеба и, конечно, съел его. Ведь хлеб в поле очень вкусно пахнет. Летом, когда кругом травы и разные запахи от них, запах хлеба всё равно слышен. Он — самый душистый, самый вкусный.

А уж зимой, когда снег лежит и нет никаких запахов, от хлеба такой аромат, такой дух — аж слюнки текут. Поэтому хлеб любое живое существо учует. Это — чудесный,

обалденный запах. И зайчик учуял хлеб и съел его. Недаром люди говорят: хлеб — всему голова.

Заячья свадьба

До четырнадцати лет я жила в посёлке Юдины Дворы и училась в Себякинской школе. Ходила в школу за шесть километров.

С восьмого класса я жила у дяди в посёлке Белые Берега города Брянска. На каникулы приезжала в родную деревню.

Я училась в девятом классе. На зимние каникулы приехала домой в деревню. Снега много. Катались на санках, на лыжах. Лыжи надевались на валенки. На лыжах в середине были петли из ремня. В них всовывались валенки — и готово.

И вот в какой-то солнечный день решила съездить на лыжах к тётке Симе в другую деревню за пятнадцать километров. Тётя Сима — это родная сестра моей матери.

Утром встала, позавтракала, встала на лыжи и пошла. День солнечный, снег поскрипывает, весело на душе. Проехала одну деревню, другую. В деревнях собаки не привязаны, увидят меня — кидаются, лают. Страшно. Но ничего, доехала до тётки. Те ахнули, увидев меня. Посидели, пообедали, поговорили. Заночевать я отказалась. Отдохнула и отправилась назад.

Проехала уже все деревни, остался последний посёлок Тургенево. Он расположен в низине, в трёх километрах от нас. Потом идёт, чуть возвышаясь, большое поле. И уже за ним наш посёлок Юдины Дворы.

Зимой дни короткие. И вот, когда я уже прошла посёлок Тургенево, солнце стало садиться. Я шла медленно. Всё-таки прошла тридцать километров. Поднимаюсь на взгорок этого поля. Иду медленно. Поднялась и остолбенела.

На самом взгорке была целая стая зайцев. Они стояли на задних лапах, стояли кругом, их было много, штук двадцать пять — тридцать.

Они прыгали, пищали. Потихоньку перемещались по кругу. Было так интересно, так захватывающе. Это была

заячья свадьба. Они пицали, радовались. Ничего не замечали. Стояла тишина. И были уже сумерки.

Я стояла, разинув рот от увиденного зрелища. Стояла и не могла пошевелиться. Это так здорово! Так продолжалось довольно долго — минут пять-десять.

Но вдруг какой-то заяц всё-таки увидел меня, свистнул. Все остановились, замерли, повернулись в мою сторону. Раздался крик, и все зайцы рванули в сторону леса, который виднелся вдали. Они летели, катились стремительно и быстро скрылись из глаз.

Я стояла ошеломлённая, на душе было радостно. Таковую картину заячьей свадьбы не каждому удаётся увидеть. Больше такого я никогда не видела.

Когда вернулась домой, рассказала о зайцах. Все удивились. Никто такого не видел. И только позже соседский дед рассказал, что он давно, в юности, видел такую же заячью свадьбу. Ему тоже повезло, как и мне, увидеть это чудо.

Красноярск, 2020